

Лежите спокойно и нас скоро к себе дожидаетесь.

Из молитвы по усопшим

– Здравствуй, мама! Здравствуй, папа! Вот и я! Сегодня вы рано прибыли!

– Да, Любаша, сегодня мы пораньше, чтоб встретить Миньку! Он первый раз, надо помочь ему.

– Да, я тоже вспоминаю себя, когда сама первый раз здесь появилась. Хорошо, баба Шура встретила да папа. А потом, через полгода, уже вас, мама, мы вместе встречали...

– А я первое время никак не могла привыкнуть, что нога не болит! Всё-таки полтора года пролежала со сломанной.

– Ну, женщины, завели шарманку про болячки! Тут вот хоть внука сейчас посмотреть! Я-то его вообще только маленького видел. А сейчас ему уже вон сколько! Мужик!

– Сейчас всех увидим! Вон уже идут первые, а ведь рано ещё. День только начинается.

– А все в последние годы стали рано приходиться. Позже не проедешь, не пройдёшь. Это раньше был рабо-

чий день, не всех отпускали с работы, да и борьба с религией была в разгаре.

– Ну, давайте ждать своих!

Весеннее солнце уже величаво выплыло из-за горизонта, обозначенного железнодорожной веткой на Абакан. Сам город был закрыт насыпью, только несколько домов на окраине были видны. Вдоль автомобильной дороги уже раскладывали свой яркий товар самые шустрые продавцы, слышался гул разговора, рокот машин. Всё тонуло в утреннем мареве. Оградки и памятники городского кладбища, покрашенные в основном в голубой цвет, на фоне берёз, ещё не распустившихся, но празднично белевших стволами, выглядели умиротворённо и боголепно. Первые посетители уже пробирались к своим родственникам, лежащим здесь, разматывали верёвочки на калиточках, раскладывали на столиках поминальную снедь, втыкали в землю шуршащие искусственные цветы. Так рано обычно приходили те, кому на работу

или кто не хотел потом толкаться в толпе горожан.

В оградке ухоженных могилوک расположились три души. Мужчина, женщина и их дочь. Это их могилки были здесь, это они ждали сегодня, в родительский день, своих родных и близких, ныне живущих на грешной земле. Они могли в этот день встретиться, быть рядом с живыми, посмотреть на них, послушать их разговоры. Только нельзя было вмешиваться, невозможно было обнять, погладить, поцеловать... Лишь смотреть и чувствовать. Сами живые их не видели, лишь иногда кто-нибудь ощущал присутствие души, видел сизую дымку, но таких было мало.

Первым двадцать лет назад умер Пётр. Всего один год на пенсии и прожил – отказала печень. Долго он лежал один в оградке, долго его душа в родительский день появлялась здесь в одиночестве. Потом скоропостижно, так и не успев отметить своё пятидесятилетие, пришла к нему дочь, а через полгода – жена. И вот сейчас они ждали сына второй своей дочери, трагически погибшего, ещё холостого. Он был похоронен зимой и впервые должен был появиться здесь в день Радоницы. Его могила, самая крайняя, была завалена ещё не успевшими вычлестить венками. Это его ждали души бабушки, дедушки и тётки. Они расположились на скамейке, как им было привычнее в той, уже прервавшейся, жизни. Только были они неосязаемыми, прозрачными, больше напоминали марево, поднимавшееся от асфальта в жаркий день. Взгляд человека, не замечая, проходил сквозь них, лишь боковым зрением иногда можно было уловить сизую дымку.

Будто ветром занесённое пёрышко, рядом опустилось лёгкое облачко Минькиной души.

– Здравствуйте, мои родные! Здравствуйте, бабушка и дедушка! Здравствуйте, тётка! Вот и я.

– Здравствуй, внук! Какой ты большой и взрослый! Тебе же года три было, когда я умер. Ты ещё над моим беззубым ртом смеялся! Всё помню! Ну вот, встретились!

Душа деда приняла вид мужчины, немного пузатенького, невысокого роста. Таким он был до предсмертной болезни, таким он и предстал перед остальными. Впрочем, и другие тоже проявились в своём виде. Так было удобнее для общения. Души соединились, обнявшись, немного постояли вместе. Ветерок слегка шевелил дымку эфира, силуэты чуть-чуть светились прозрачным перламутром с налётом нежной радужности.

– Ты-то как, внук, сюда попал? – дед старался объять Миньку всего, поделиться с ним чувством любви, заботы и внимания. – Рано тебе было, ты же мог ещё жить.

– Знаешь, деда, всё получилось очень быстро. Это здесь я понял, что всё предопределено: подошёл срок – всё! Хотя, как в моём случае, выбор был за мной, был вариант. Мы с другом поехали отвозить клиента в соседний посёлок, таксовали мы с ним иногда, а в одиночку опасно. Шли по трассе, скорость, конечно, приличная, встречных нет, три часа ночи, нам никто не мешал. А тут лесовоз впереди тащится, снег взмётывает, выхлопы, да и скорость у него маленькая. Мы пошли на обгон и зацепили бровку. Ну, ты понял, сам шофёром был! Нас отбило под самый лесовоз. Васька сразу на месте погиб, клиент ещё жил дня два, а меня перемололо всерьёз, но я остался жив. Ты прав: у меня был выбор. Бабушка, я видел ангела! Впервые! Я никогда не верил в той жизни, что они есть! А здесь такие краски увидел! Такой свет залил всё вокруг! Я боли не чувствовал никакой! Парил, летел где-то! Так было легко, такое чувство огромного счастья меня несло вверх! Я казался себе всей Вселенной сразу! И тут из ослепительного света

появился ангел. Какие у него крылья огромные! Сам он был как силуэт из света. Он подхватил меня, и мне стало так спокойно, как в детстве у мамы на руках. И я стал видеть картинки из своей такой короткой жизни, вплоть до аварии, да и саму аварию. Как меня в «скорую» грузили, разбитого, безвольного, как тряпичную куклу. Лица почти не было, всё свёрнуто! Множество переломов, селезёнка лопнула, голова пробита... А я ведь здоровым рос. Ничем не болел. Так обидно стало. А дальше показали мою жизнь после аварии. Да, я остаюсь живой, но полгода в коме, лицо изуродовано. И главное – я частично буду недееспособным... И так на долгие годы. Пока будут живы родители, они за мной будут ухаживать, я буду в их душе постоянной болью, укором, что не смогли уберечь. Но они долго не протянут, умрут в один год. А брат сдаст меня в интернат. Ну, оно мне надо? Такая вот жизнь – одна боль. И я решил не возвращаться... Я сделал выбор. Здесь мне хорошо, здесь я здоров, здесь жизнь такая, как я хочу. Родители, конечно, плачут до сих пор, скрывая друг от друга слёзы, я же вижу их, им тяжело. Но лучше раз перестрадать, чем видеть каждый день меня и мою боль. Я подожду их здесь, встречу. Пусть поживут там, внуков понянчат. Жизнь продолжится. Вон, смотрите, они идут сюда! И брат здесь. Ой, у него сын родился! Какой бутуз! Жаль, не могу потрогать.

– Правнук! Надо же! Целы наши корешки, Петро. Люба, смотри, и твои подходят. Ну вот, день начался! Потом и остальные придут. Всех увидим, порадуемся.

Пришедших на кладбище было много: здесь были и родители Миньки, Наташа и Сергей, их второй сын с семьёй. Дочери Любы тоже пришли со своими детьми и зятем. Остальные, кто сможет, будут попозже. Пока молодые раскладывали поминаль-

ное угощенье на столике, Наташа с Сергеем подошли к могилам матери и отца, положили на край бетонного надгробия цветы.

– Здравствуйте, мама и папка! Вот и Минька с вами. Потеряли мы его нынче... Так нелепо! Я ему ещё вечером звонила, спрашивала, что делает. Он спать собирался. А в три часа позвонили: разбился. И всё... Мама! Как это больно! Как я тебя понимаю, когда хоронили Любу. Уже четвёртый месяц идёт, а я плачу, плачу, хотя и суечусь в делах, работаю, девчонки помогают. С Сергеем поддерживаем друг друга. Иначе, мама, я бы сошла с ума. Как мы это только пережили? Зачем мы сейчас живём?..

Она перешла к могиле сына, опустилась на пихтовые ветки и разрыдалась взхлёб, безудержно, лишь стараясь не сорваться на вой и крик.

– Сын! Ты же где-то здесь? Твоя душа? Как я хочу тебя увидеть, обнять, попросить прощения за то, что жизнь твоя оказалась такой короткой.

– Мама! Мама! Я здесь, я вижу тебя! Как вы постарели с папой. Извини меня, мама, что я ушёл. Так лучше. Научитесь жить с этой болью, запрячете её в глубину памяти. Многие родители хоронят своих детей, у каждого свой срок. Мне было бы труднее видеть ваши муки каждый день. Не вините себя, мои хорошие! Я всегда гордился вами; может, редко говорил об этом, а сейчас вот жалею, что не могу сказать, обнять, прижаться к вам. Только вижу вас, чувствую вашу боль. Я ещё и сам не привык к новой своей жизни. Душа-то живая, всё помнит, видит. Сейчас многое видится по-другому. Правда, вот только сказать ничего не могу. Здесь много наших, мне с ними тоже хорошо! Лес мне нравится, вы хорошее место выбрали. Дорога, которую я так любил, рядом. Не плачь, мама, отца береги. Я вас очень любил и люблю! Мама, я сейчас тебе привет передам, почувствуй!

Сергей стоял рядом с женой, тихонько гладил её волосы, сам украдкой вытирал слёзы. Боль была ещё свежей, душа кровила от тяжкой утраты. Смерть сына выбила его из жизненной колеи, жить не хотелось. Дышать и есть первое время, казалось, было противоестественно. С трудом приходили они в себя после похорон.

Наташа вытирала слёзы, комкая платок; опухшее лицо было беспомощным от пережитой трагедии. Умом она понимала, что у каждого свой срок и её сын не единственный, кто рано ушёл из жизни, такая участь коснулась многих её знакомых и других жителей городка. Но боль от этого не становилась меньше, и душа не переставала рваться.

– Господи, сын, пусть тебе там будет лучше! Мы понимали, да и врачи сказали, что если бы ты выжил, то на свои мучения. Но мы согласны были нести этот крест по жизни, пока могли. Лишь бы ты остался жив. Врачи давали тебе шанс выкарабкаться, ты крепкий, ты бы смог... Ты шёл на поправку, но не выходил из комы, восемнадцать дней лежал в реанимации. Каждому дню я радовалась: жив! Я чувствую, ты сам остановил своё сердце, знал, что тебя ожидало в будущем. Ты всегда был с характером, сам принимал решения. А я до сих пор ощущаю тепло твоих рук, до сих пор вижу твою улыбку, жесты, рукой ощущаю твои волосы...

Наплакавшись, Наташа потихоньку затихла, сжалась, уткнувшись лицом в платок. Нет, душа её до сих пор была в тисках боли, она не чувствовала своего сердца: ей казалось, оно заледенело, застыло камнем в груди, было готово просто взорваться мелкими осколками, и тогда она тоже сможет уйти туда, к сыну. Она хотела этого. Она не боялась смерти, в силу своего возраста понимая, что та настигнет каждого: никто вечно не живёт. Здесь, в этой жизни, её

удерживали лишь дети, внуки, муж. А надо жить дальше, чужую жизнь не проживёшь, свою тоже никому не подаришь.

Сергей стал поднимать её с холмика:

– Вставай, а то простынешь ещё. Земля мёрзлая, неоттаявшая, садись на скамеечку. Давай помянем нашего сына и всех остальных.

Родственники уже приготовили столик, распушили цветы на могилках, сами поплакали. Наташа даже не заметила, сколько прошло времени, пока она сидела около сына. Она оглянулась вокруг, поискала глазами по сторонам, как бы вглядываясь пристально во что-то, в некое марево, в некое искажение света и цвета рядом с собой. Ей хотелось увидеть хотя бы смутный силуэт сына, лицо, почувствовать его рядом... Что-то она ощущала, что-то витало в воздухе и лёгким, незаметным крылышком касалось её щеки, нежным дуновением проходило рядом. И вдруг мощный пряный запах накрыл её с головой. Это был запах каких-то неземных цветов, не местных, сибирских, а может быть, где-то на юге так могла пахнуть магнолия или другая какая-нибудь цветущая растительность. Может, так пахнет комнатная редкая мурайя, завезённая в Россию из Китая. В любом случае здесь, на кладбище, такого запаха быть не могло. У Наташи закружилась голова, она вдыхала этот запах и не могла надыхаться. Она хотела его весь вобрать в себя, запомнить его, чувствовать всегда. Слёзы снова полились из глаз.

– Вы чувствуете запах? Просто божественный запах! Какой сильный! Это сын, Миша, мне и вам всем передаёт привет! Он здесь, рядом, я его чувствую! Он видит нас! Да не смотрите на меня так, всё в порядке! Я не сошла с ума! Просто я чувствую сильный запах, неземной просто! Это его привет! Принюхайтесь! Он вот здесь, таким облаком! Не верите? Вот же он!

Родственники с испугом посмотрели на неё. Они ничего не чувствовали: просто запах талой воды, весны. Маленькая дочка племянницы подбежала к Наташе, смешно потянула курносый носиком воздух и взвизгнула:

– Нюхаю, нюхаю! Правда, вкусно пахнет! Мама, ты так же пахнешь, когда в гости собираешься!

– Ну, вот видите, дети-то чувствуют!

Все рассмеялись, вздохнули с облегчением, скинув напряжение.

– Ну ладно, давайте помянем родных!

Сергей на правах старшего мужчины разлил вино.

– Земля им пухом, пусть остаются с миром!

Плеснул на могилки, выпил быстро, закусил блином и отвернулся скорее, пряча слёзы.

– Видишь, внук, услышала тебя мать, почувствовала твой привет. Видно, очень сильно тебя любит! – душа бабушки подмигнула Миньке и обратилась к дочери: – А твои-то, Любаша, тоже как вымахали! Ты-то внучек и не дождалась. Смотри, какие шустрые! Старшая уже нынче в школу пойдёт. А младшая – ну копия ты в детстве. Помнишь, фото-

карточка была, где тебе года три? Ты там ещё стоишь, пузико выпятила, глаза скосила в сторону. Один в один с внучкой! А у твоей старшей дочери сын уже вообще жених! Школу заканчивает. Кажется, что недавно мы с тобой с ним нянчились. А тут уже и второй бегаёт. В прошлом году ещё говорил плохо, а нынче-то, нынче, смотри, как трещит без умолку! Говорун какой! Пусть растут, женятся, замуж выходят. Им надо прожить ту жизнь, к нам ещё рано. Успеют.

Поминающие убрали со столика, постояли около могилки, прощаясь со своими родными. Сергею с Наташей надо было ехать в деревню, на другое кладбище, к его родителям. Там тоже ждали своих.

– Ну ладно! Оставайтесь с Богом! Земля вам пухом!

Попрощались, ещё раз оглядев могилки, закрыли калитку на защёлку и пошли потихоньку. Ребятишки, не совсем понимая, что к чему, весело прыгали, переговаривались звонкими голосами. Их жизнь была впереди.

Души смотрели им вслед и видели большее.

– Ну ладно, полетим и мы. Также надо проведать остальных. Сейчас только через несколько лет к нам поделят. Но им об этом знать не дано...